

Н.Н. Страхов. Борьба с Западом в нашей литературе

Новая выходка против книги Н.Я. Данилевского

1890

Не по хорошу мил,

а по милу хорош.

Совершенно неожиданно г. Вл. Соловьёв опять сделал ярое нападение на книгу Н.Я. Данилевского «Россия и Европа»¹. По существу, это нападение таково, что его следовало бы пройти молчанием; но читатель дальше увидит, почему мне казалось нужным высказать по этому поводу некоторые замечания.

I

Вся беда вышла от того, что в новом издании второго тома «*Борьба с Западом*» я перепечатал свои статьи, писанные против прежних нападений г. Соловьёва. Он этим не совсем доволен. Он замечает, во-первых, что я совершенно напрасно «возобновляю», как он выразился, свою «*Борьбу*»; по его мнению, теперь у нас «Запад потерпел очевидное поражение, а начала восточные, именно китайские, достигли полного торжества» (стр. 1), следовательно и мне, как поборнику этих начал, уже нет никакой надобности выступать снова на поле битвы. Покорно благодарю за совет, и за известие! Потом, он выражает неудовольствие на то, что, хотя я сам извиняюсь перед читателями в резкости своих статей, однако статьи эти перепечатаны без перемен; он думает, что извинения ещё мало, а что нужно бы сделать в статьях «поправки, выпуски и оговорки» (стр. 15). Одну поправку он прямо указывает, как действительно надобную. Дело состоит в следующем. На стр. 221 моей книги он нашёл фразу², на которую когда-то жаловался, говоря, что я передаю его слова в нелепом виде. Я тогда же объяснил печатно, что я и в мысли не имел приписать ему что-нибудь смешное, что эта фраза сказана у меня в безобидном смысле; всё это объяснение и перепечатано на стр. 299 моей

¹ Русск. Мысль, август, статья «Мнимая борьба с Западом». Стр. 1-20.

² Вот она: «Г. Соловьёв отвечал, что он не раз заявлял о своей любви к России».

книги. И что же? Он и теперь продолжает обижаться, он даже говорит, что будто бы я на стр. 221 повторил без всякой оговорки *фактическую ошибку* (он подчеркнул), и что, хотя на стр. 299 стоит «признание в этой ошибке», но что читатель до этой страницы может ведь и не дойти. Тогда выйдет ужасная беда, которую я, очевидно, нарочно не предупредил. И значит, я только лицемерно каюсь в недостатках своей полемики, а на самом деле «очень доволен собою» (стр. 15).

Вот как он чувствителен и взыскателен, когда дело до него касается! Да и вообще, он не хочет упускать ничего, что можно ему поворотить в свою пользу, с большим торжеством он хватается за каждую мою оговорку, за каждое извинение; он всячески настаивает, чтобы читатели смотрели только на одну сторону дела и никак не поддавались чувству снисхождения. Но замечу, что он очень дурно понял, в чём состоят мои печатные грехи, и совершенно неправильно истолковал моё покаяние. Если я иногда считаю себя виноватым, то это прежде всего значит, что я не признаю себя безупречным перед высоким и строгим судом читателей, который мне часто воображается, и ещё не значит, что я провинился перед г. Соловьёвым, моим противником. В этом отношении я был совершенно спокоен, перепечатывая свои статьи; мне приходили в голову не «поправки, выпуски и оговорки», которых ему желается, а скорее *прибавки*, и являлось желание другого тона, именно более сильного; но для этого нужно было бы смягчить резкость, потому что резкость, как бы она ни была точна и справедлива, слабее, чем спокойное и холодное порицание. Нужно было бы написать так, чтобы сам противник почувствовал неизвинительность своих нападений³.

Но не будем привязываться. Конечно, для г. Соловьёва дело не в одних личных счётах со мною; конечно, главный его предмет есть книга Н.Я. Данилевского. Нужно полагать, что, перечитавши мои статьи, он остался недоволен положением спора, ведённого им против этой книги, почему и решил повторить нападение. Если так, то причина – самая законная, и мне приятно видеть, что новое издание «*Борьбы*» произвело такое впечатление на противника. В своей статье отчасти он отстаивает старые свои аргументы, но главным образом подбирает новые.

Прежде всего, он старается вообще подорвать авторитет Н.Я. Данилевского. Для этого он вспоминает, что автор «*России и Европы*» в юности был увлечён фурьеризмом и лишь потом «перешёл от фурьеризма к

³ Между прочим, он спрашивает: «К кому и к чему относится указание на пятую заповедь?» (стр. 4). Ах, Боже мой, какая непонятливость! Конечно, прежде и больше всего я отношу заповедь к себе самому, а потом предлагаю её другим, не одному г. Соловьёву.

славянофильству» (стр. 3). Замечание, конечно, не относящееся к спорной книге, но почему-то показавшееся её противнику надобным. Потом г. Соловьёв весьма решительно утверждает, что Данилевский «не был историком», что даже он «имел в этой области лишь отрывочные и крайне скудные сведения», да притом не обладал «способностью к умозрению вообще и к философскому обобщению исторических фактов в особенности» (стр. 3). Далее, о самой книге *«Россия и Европа»* говорится, что, когда она явилась, то «все компетентные люди» признали её «за литературный курьёз», что г. Соловьёву приходилось говорить о ней «с нашими историками», и что «все историки», с которыми он говорил, «не считали её требующею особого обсуждения» (стр. 4). Наконец, всё это завершается замечанием, что оставшиеся в живых из «кружка старых славянофилов» – «по-видимому, не признали автора этой книги за своего человека и как бы игнорировали его произведения» (стр. 3).

Вот на какие аргументы напирал ныне г. Соловьёв. Было бы смешно, если бы мы вздумали защищать ум и познания Н.Я. Данилевского против этих голословных выходок, цель которых так ясна. Но г. Соловьёв делает здесь некоторые фактические показания, он говорит о первоначальных судьбах книги *«Россия и Европа»*, и тут его надобно обличить. Книга эта с первого же появления составила автору высокое имя, но только не среди большой публики, а у людей самостоятельных умом и горячо преданных делу. Припоминаю одного «историка», очень умного и учёного. Бывало, когда у него собирались гости и приводилось знакомить с ними приехавшего из провинции автора *«России и Европы»*, историк обыкновенно прибавлял к его имени: «умнейший человек в России». Теперь это, конечно, виднее, но люди проницательные и тогда понимали значение Н.Я. Данилевского. Что касается до «старых славянофилов», то сперва замечу, что они всегда старались быть свободными и широкими в своих сочувствиях. Это были люди истинно либеральные, в самом превосходном значении этого слова. Они не замыкались в партию и никогда не занимались счётом *своих* и *чужих*. Какой же смысл имеет указание на то, что «старые славянофилы» *не объявили* Данилевского *своим* человеком? Тут я вижу только невольное признание великого авторитета, заслуженного этими славянофилами. Ведь уж как усердно их бранили, как усердно доказывали, что они люди неосновательные и вредные; и г. Соловьёв тоже постарался в этом деле. А когда захотелось унижить книгу противника, то недурно показалось намекнуть, что вот-де и старые славянофилы чуждались этой книги.

Но это несправедливо. Все и всякие славянофилы, разумеется, трудящиеся умом, читающие и мыслящие, признали «Россию и Европу» *своею* книгою, одни вполне и с большим восторгом, другие в большей или меньшей степени. Разве не так этому и следует быть? Когда мне случилось, вскоре после выхода книги, видаться с И.С. Аксаковым, он мне сказал: «Я теперь с величайшим наслаждением читаю книгу Николая Яковлевича; какая радость найти свои давнишние убеждения, но взятые с новой точки зрения и блистательно развитые и доказанные!» И до конца жизни Данилевского И.С. Аксаков был с ним в дружественных отношениях, вёл переписку и навестил его в его уединённой Мшатке.

После смерти Н.Я. Данилевского, И.С. Аксаков помянул его словами, которые дышат глубокою любовью и чисто аксаковскою искренностью. Он превознёс необычайный ум и необычайное сердце покойного; он говорил, между прочим, что «это был сильный, смелый ум, независимый и самостоятельный, и притом какой-то особенный, *честный* ум, чуждый всякого лукавства мысли, строго проверявший трудолюбивым изысканием и анализом всякое понятие им усвояемое», что «беззаветная любовь к родине была в нём осмыслена, оправдана в сознании, укреплена наукою и долгою работою ума», что в книге «*Россия и Европа*» «он совершенно самобытным путём пришёл к тождественному учению с Хомяковым, К.С. Аксаковым и вообще с так называемым славянофильством» (Русь. 1885 г. 16-го ноября). Не ясно ли из этих слов, что «трудолюбивое изыскание», «долгая работа» и «строгая проверка» Н.Я. Данилевского признаны великою заслугою именно в области славянофильства? Аксаков оканчивает грустным замечанием: «Падают старые борцы, и никто не является нам на смену!» Тут *борцы*, конечно, означает – подвижники той самой идеи, которой была посвящена вся жизнь Аксакова.

Но самый важный успех «Россия и Европа» имела не в отечестве, а в славянских землях; там усердно читали теорию «славянского культурного типа», ссылались на неё в политических статьях и прозвали её автора «апостолом славянства». У нас дома, как я уже писал, книга стала больше расходиться во время войн против Турции, сербской и русской; в некоторых образованных людях, очевидно, пробудилось тогда желание узнать что-нибудь о славянском мире и его политических отношениях. Все эти успехи были ещё при жизни Данилевского, и он им радовался; «кажется, для меня наступает потомство», – говорил он. Правда, всё это происходило помимо нашей текущей литературы и нашей текущей учёности, но этим обстоятельством ещё более доказывается и сила и достоинство успеха. К 1888

году, когда было сделано первое посмертное издание книги, слава её уже давно стояла твёрдо и высоко, и новое издание было быстро расхвачено.

После этого, что же такое пишет г. Соловьёв? Я рассказал историю «России и Европы» в общих чертах, но её следует со временем изложить подробнее, снабдить ссылками и точными указаниями на имена и всякие источники. Может быть, будут со временем изданы и письма самого Данилевского, И.С. Аксакова и других. Всё это необходимо сделать, а не то явятся у нас бойкие «историки» вроде г. Соловьёва и преспокойно напишут, что книга Н.Я. Данилевского получила вес только по смерти автора, когда у нас взяли верх «китайские начала», а до тех пор, пятнадцать или двадцать лет, считалась не более как «литературным курьёзом».

Зачем он это пишет? Зачем он без зазрения утверждает то, чего вовсе не знает, а скорее знать не хочет? Нет, я вижу, что он совершенно понапрасну разговаривал с «историками»! Да не разговаривал ли он ещё с кем-нибудь другим? Историки научили бы его, что факты нужно излагать не по собственному измышлению и желанию, а нужно точно справиться, как было дело.

Вот и дальше, показания его оказываются неверными. Хотя теория культурных типов, по его мнению, есть не более, как литературный курьёз, но он утверждает притом, что и курьёз этот выдуман не самим Данилевским, а заимствован от Рюккерта. Подобными указаниями на заимствование и подражание г. Соловьёв вообще занимается усердно. Нужно полагать, что он сам в них верит, а не употребляет их как лёгкое средство привести в затруднение противника и подействовать на малосведущих читателей. И вот он пишет, что Данилевский «воспользовался идеей культурно-исторических типов, высказанной Генрихом Рюккертом», что «Рюккерт, как историк, знал, что построить на принципе племенных и национальных культур целую философию истории – дело совершенно невозможное», а Данилевский не знал этого и потому построил (стр. 3). Несколько далее г. Соловьёв даже называет теорию «России и Европы» «теориею Рюккерт-Данилевского» (стр. 4).

Откуда такие удивительные новости? Мне очень хорошо известно, что Данилевский не читал книги Рюккерта, едва ли даже знал о её существовании и, значит, никак не мог «воспользоваться» её мыслями. Эта отличная книга, совершенно неправильно названная учебником (Lehrbuch), вовсе не в ходу и очень мало известна. Для меня почти нет сомнения, что и г. Соловьёв её не читал. Если бы он её читал, он не говорил бы, что Рюккерт «высказал идею

культурно-исторических типов»; Рюккерт не то высказал и вовсе не употребляет ни слова «культурно-исторический», ни слова «тип», терминов Данилевского. Г. Соловьёв, по всему видно, знает об Рюккерте не больше того, что стоит у меня в маленьком примечании «Предисловия» к «России и Европе» (стр. XXVII). Но только я написал коротко и неясно, что у Рюккерта есть *зачатки* мысли о типах; я разумел под этим, что у него сопоставлены некоторые факты и сделаны некоторые соображения, *из которых* могла бы выясниться идея типов. А г. Соловьёв говорит уже положительно, что у Рюккерта идея эта высказана, но что Рюккерт понимал то и то, а Данилевский ничего не понимал, и пр. Таким-то образом, не Данилевский воспользовался Рюккертом, а кажется г. Соловьёв «воспользовался» несколькими строчками моего примечания. Куда как хорошо!

Прошу извинения у читателей за эти мелочи. Мне хотелось иметь повод заметить, что всякому исповеднику новой мысли должно быть приятно, когда ему указывают на зачатки этой мысли, являвшиеся раньше, когда обнаруживается, что эта мысль давно напрашивалась, давно готова была сложиться у тех, кто глубоко и проникательно изучал предмет. Тем больше заслуга, если уже всё созрело, все элементы были готовы, а между тем никто не умел и не мог высказать общей теории, в которую слагаются эти элементы. Главная заслуга Н.Я. Данилевского состоит в том, что он отверг предрассудок космополитизма в истории. Этот предрассудок был так силен, что не давал самым светлым умам ясно видеть предмет; между тем, вся историческая наука (как и сама история) нынешнего столетия проникнута началом национальности, и если искать предшественников, у которых высказывались по частям те или другие соображения Данилевского, то их можно набрать великое множество. Таким образом, г. Соловьёву, кроме моего примечания о Рюккерте, открывается обширное поприще трудолюбивых изысканий, особенно если он постарается основательно забыть, в чём состоит истинная оригинальность и самостоятельность мысли.

II

Но не пора ли обратиться к самой книге? В начале 1888 года г. Соловьёв напечатал о книге «Россия и Европа» статью, в которой ничего ещё не говорил ни об историках, ни о том, что Данилевский был когда-то фурьеристом, ни об идеях Генриха Рюккерта, а разбирал прямо теорию Н.Я. Данилевского и выставлял против неё возражения. Я вскоре отвечал ему статьёю «Наша

культура и всемирное единство», и статья эта недавно вновь появилась в «Борьбе». Г. Соловьёв хочет теперь опять возобновить этот самый спор; с удивительной настойчивостью он в своей новейшей статье утверждает, что я будто бы не нашёл и не высказал никакого ответа на его возражения. Он пишет так «Вместо ответа, г. Страхов написал обширную статью *«Наша культура и пр...»*, где много говорит о разных посторонних предметах, как например, об евреях, сидевших на реках Вавилонских и плакавших, о несправедливом мнении профессора Модестова насчёт его, г. Страхова, и т.п., но из моих *определённых* возражений⁴ против теории Рюккерт-Данилевского упомянул только о двух; из них одно (относительно финикиян), не оспаривая, признал несущественным, (таким оно и было бы, если бы было только одно), а для кажущегося ответа на другое должен был, между прочим, прибегнуть к неслыханному расчленению *анатомических групп на события*» (курсив г. Соловьёва) (стр. 4)⁵.

Долго я не мог понять, что же это такое? Разве таково содержание моей статьи? Он и прежде делал подобные же заявления, и так же голословно, как и теперь; он утверждал, что я «*умолчал* о самых существенных возражениях» (Вестн. Евр., 1889, янв., стр. 358), или что я «вовсе не упоминаю о главных его возражениях» (Вестн. Евр., 1889, март). Что же это такое? – Шутка? Но она содержит вовсе не шуточный смысл. – Наглое мороченье читателей? Очень похоже, но я не хотел этого предполагать и всячески искал, не обманул ли мой противник каким-нибудь изворотом сам себя? Он, как видите, печатает и повторяет, что я в своей статье говорю о *посторонних предметах*, а не об его возражениях; между тем, этому может поверить только тот, кто никогда не заглядывал в мою статью. Краткое указание на содержание этой статьи я даже однажды напечатал, желая поставить его на вид и противнику, и читателям. «В первой своей статье, – говорил я, – противник теории культурно-исторических типов нападал на неё: 1) с точки зрения христианских начал, 2) на основании учения о человечестве, как об едином организме, 3) со стороны общих научных требований, именно приёмов естественной системы, 4) на основании хода всемирной истории, 5) на основании истории наук и религий». «Все указанные возражения были мною выставлены, рассмотрены и опровергнуты» (Р. Вестн., 1889, февр.).

⁴ Мой курсив.

⁵ Это *расчленение анатомических групп на события* г. Соловьёв выдвигает против меня уже в третий раз; доживу ли я до того, что он, наконец, обратит внимание на мой ответ и заглянет в книгу Данилевского?

Пусть подумает читатель, как я должен был изумляться, когда г. Соловьёв вдруг причислил эти возражения к несущественным или даже к «посторонним предметам»! Развязность, с которою он выражался, навела на меня совершенное недоумение. Но, наконец, я нашёл-таки разгадку! Как бы это ни показалось странным, но он действительно, в точном смысле слова, считает эти возражения неважными, он не хочет уже стоять ни за то, что теория противоречит *христианским началам*, ни за *единый организм человечества*, ни за то, как древний мир *последовательно объединялся* и т.д. Все эти возражения он считает слишком общими, неопределёнными; он теперь хочет держаться только *определённых* (см. выше его слова), т.е. тех исторических фактов, которые будто бы не подходят под теории и которых Данилевский не знал по своему невежеству. Вот на чём построена последняя статья г. Соловьёва, вот почему он заговорил об историках и о малых познаниях Данилевского. Он делает, вообще, следующее рассуждение: «Г. Страхов допускает, конечно, что существуют, вообще, и такие люди, которые не имеют морального права выступать с историческими теориями, именно – люди, незнакомые с историей. Значит, вопрос только в том, принадлежит ли к их числу автор *«России и Европы»*, или нет? Если принадлежит, то этого фактического указания с моей стороны было бы, пожалуй, и достаточно. Если же не принадлежит, то его защитнику следовало бы на моё «простое» опровержение ответить столь же просто, именно показать, что данные истории и филологии, на которые я ссылаюсь, не противоречат мыслям Данилевского» (стр. 16).

Вот как я ошибся! Я думал, что главное дело в общих, основных началах, что если Данилевского упрекают в непонимании духа христианства и хода древней истории, или в несоблюдении научных правил естественной системы, то это очень важно, и нужно его оборонять от таких тяжких упрёков; я старался показать, что противник сам безобразно напутал в таких и подобных общих вопросах. А он отвечает мне: это не важно, важны вон те *данные*, на которые я ссылаюсь и которые противоречат теории.

Но, однако же, что это за *данные*? В каком же, наконец, невежестве уличён Данилевский? Ведь если всё взвесить самым тщательным образом, то окажется, что ни г. Тимирязев, ни г. Соловьёв, как они ни старались, ровно ничем не доказали «скудных и отрывочных» познаний Данилевского. Г. Андр. Фаминцын отдал даже большую честь этим познаниям (Вестн. Евр., 1889. Февр., стр. 643)⁶. Единственную находку противников составляет неправильное положение финикиян, на которое указал г. Соловьёв. Зато как

⁶ См. также *«Борьба с Западом»*, кн. 2, изд. 2, стр. 516, 517.

же пространно, с какими «трубами и литаврами» возведено было это открытие! Однако же, я ведь показал, что радующийся тут сам не знал, чему радуется: он думал, что от перемещения финикиян теория нарушается, а этого-то нарушения и не выходит.

Что же касается до других *данных* г. Соловьёва, то это не что иное, как ряд фактов, за которыми обыкновенно признаётся или общечеловеческое значение, или, во всяком случае, значение не для одного лишь культурного типа. Он указывает в этом смысле – буддизм, греческое искусство, аристотелевскую философию, гностицизм, неоплатонизм, и тому подобное. Уверенный в том, что такие явления противоречат теории Данилевского, он смело заключает, что Данилевский их не знал или не понимал. Но разве есть хоть капля логики в таком заключении? О чем Данилевский не говорит, того он не знает – хорош вывод! Из этих указаний и рассуждений следует только одно, именно, что г. Соловьёв нисколько не понимает теории культурных типов. Отчасти я возражал и на эти *данные*, но если об иных не говорил, то потому, что видел в ссылке на них простое недоразумение и надеялся, что читатели поймут его и без разъяснений. Какой смысл был бы в теории Данилевского, если бы она не узаконивала *общей сокровищницы*, если б не показывала, что лучшие и высшие явления каждого типа становятся достоянием других типов и по преемству возвышают их жизнь? Но эти явления всегда составляют выражение самого жизненного принципа типа; принцип же этот ясно раскрывается и воплощается лишь на вершине развития, в минуты расцвета и плодоношения типа. Совсем не то явления детства, или дряхлости типа, часто вовсе не имеющие значения для других типов; не делать этого различия, значит всё перепутать в истории. Г. Соловьёв, очевидно, вовсе не умеет видеть *органические* формы явлений, не понимает, что своеобразие не только не противоречит развитию общих начал, а составляет его неперенное условие. Например, по вопросу о религии, вот как Н.Я. Данилевский говорит об евреях: «Только религиозная деятельность еврейского народа осталась его заветом потомству. Все остальные стороны деятельности остались (у евреев) в пренебрежении. Зато религиозная сторона их жизни и деятельности была возвышенна и столь совершенна, народ этот по справедливости называется народом богоизбранным, так как среди его выработалось миросозерцание, которое подчинило себе самые высокие, развитые цивилизации, и которому суждено было сделаться религиею всех народов, единою, вечною, непреходящею её формою. Это заключение нисколько не изменяется, будем ли мы держаться того взгляда, что учения Ветхого и Нового Завета суть постепенно выработанные этим народом формы мировоззрения, или постепенно сообщавшиеся ему свыше откровения» (*Россия и Европа*, стр. 518).

Когда читаю подобные места, и вообще вспоминаю удивительный ум Данилевского, такой многообъемлющий и сильный, и вместе такой ясный и точный, не могу удержаться от злой досады на возражателей, преспокойно обходящихся с ним запанибрата. Против него очень развязно выставляются мысли спутанные, спотыкающиеся и сбивающиеся с пути на каждом шагу, иногда находящие опору только в грамматическом сочетании слов, при помощи которого они приобретают кажущийся смысл. Повторяю, что Данилевский был ум истинно научный; у него нужно учиться строгой точности и последовательности.

Хотя г. Соловьёв дважды заявил, что он не считает «существенным», а скорее «посторонним» вопрос об *истории наук и религий*, однако, теперь, вероятно в виде снисхождения, он мне отвечает и по этому вопросу. Его слова на сей раз довольно ясно обнаруживают его *антиорганический*, следовательно и *антиисторический* взгляд на дело, почему я приведу их здесь.

«Если есть в истории дело, – говорит он, – превышающее жизненный захват отдельной культуры, то не в этом ли деле главный интерес всемирной истории? Теория культурно-исторических типов в собственном мнении её защитника сводится к *таким пустякам*, о которых вовсе не стоит спорить. Религия, наука, искусство, – словом, всё, что нам дорого и интересно, есть общее сокровище и *общее дело всего человечества*. Что же остаётся на долю отдельных племенных типов, и *зачем понадобилось настаивать на их обособленности*? Что в создании общего сокровища и в *исполнении общего дела* каждая историческая нация участвует по-своему, – этого, кажется, никто не оспаривал. Впрочем, то же самое можно сказать и о личности. Всякое человеческое дело и произведение *окрашивается в истории не только национальным, но и личным характером* своих производителей, из чего, однако, не следует, чтобы отдельные лица были *единственными реальными деятелями и предметами исторического процесса*» (Стр. 8,9. Курсив не г. Соловьёва, а мой).

Тут, кажется, можно всё хорошо разобрать. Отдельные лица тут, все-таки, признаются (слава Богу!) «реальными деятелями и предметами исторического процесса». Мудрено это сказано, но, я думаю, это значит: они подвержены историческому процессу и они же производят этот процесс. «Не они одни», – говорит г. Соловьёв; а я замечу, что, какая бы ещё другая сила ни входила в этот процесс, но она не иначе действует, как *в них и через них*, что помимо их нельзя себе представлять ни единого движения исторического процесса. Если же так, то в совершенно подобном смысле, очевидно, нужно

признать «реальными деятелями» истории отдельные народы и культурные типы. Помимо их не совершается история, почему и г. Соловьёв справедливо замечает, что «всякое человеческое дело окрашивается в истории не только национальным, но и личным характером», значит, не только личным, но и национальным. А выше этого, шире типов, в истории нет деятелей, которых мы могли бы назвать реальными в том же смысле. Напрасно г. Соловьёв говорит об «общем деле, исполняемом всем человечеством»; если бы такое дело существовало, то оно уже не было бы окрашено никаким национальным характером, – чего никогда не бывает, как он сам же сказал. Всякие дела исполняются только отдельными лицами и народами; г. Соловьёв сбился, вообразив, что если есть общая сокровищница, то есть и общая работа; он ставит эти выражения рядом, не замечая громадной разницы их смысла.

И вот этими-то «пустяками, о которых не стоит спорить», и занимается история. Она ведь не занимается отвлечённо религиею, философиею, искусством и т. п., она не исследует отдельно взятых элементов человеческой жизни, а рассматривает только их конкретные явления, изучает сочетание и судьбу этих элементов в определённых людях, народах, царствах и т.д. Она есть наука частных явлений, временных, местных, минувших и не повторяющихся. Дело в том, что мы – существа ограниченные, что ничто общее для нас не существует самостоятельно, а проявляется только в частном. Поэтому-то история должна также весьма старательно изучать и *отдельные племенные типы*. «Зачем понадобилось, – спрашивает г. Соловьёв, – настаивать на их обособленности?» Да потому, что эта обособленность есть великий исторический факт, что она, очевидно, есть одно из существенных условий человеческого развития, условие, под которым это развитие всегда совершалось, под которым оно достигало в истории всё большей высоты и всё большего захвата.

III

Всё предыдущее ещё не заставило бы меня отвечать г. Вл. Соловьёву. Теперь уже многие тысячи читателей знают и любят книгу Н.Я. Данилевского; поэтому можно только подивиться, что её противник так мало боится выступать перед этими читателями, и можно твёрдо надеяться, что они сейчас же оценят его выходку, увидят, что она лишена всякой основательности, всякого беспристрастия. Что же касается до тех, кто не читал «России и Европы» и даже считает долгом просвещённого человека не

заглядывать в такие дикие книги, то они, конечно, с наслаждением прочтут г. Соловьёва, и никакая полемика против него на них не подействует. Однако же, на этот раз г. Соловьёв зашёл в некоторых пунктах так далеко, до того искажил дело, что мне захотелось сделать попытку – ещё раз разоблачить его. Не успею ли даже иным ослеплённым показать мысль Н.Я. Данилевского в её истинном свете?

Г. Соловьёв в этой последней своей статье⁷ много говорит о политическом учении «России и Европы». Конечно, и тут он судит и рядит со своей обыкновенной заносчивою развязностью. Например, он с размаху решил, что будто бы Данилевский обнаруживает «видимое отсутствие политической сообразительности» (стр. 13). Если вспомнить, что Н.Я. Данилевский всегда с жаром занимался политикою, что, кроме «*России и Европы*», он выступал прямо на поприще публициста и написал ряд удивительных статей, которые, хотя не вполне успели обратить на себя общее внимание, но зато глубоко отозвались в сердцах иных участников событий, и которые, без сомнения, суть лучшие политические статьи в нашей литературе⁸ – если это вспомнить, то отзыв г. Соловьёва нужно признать очень смелым.

На чём он его основывает? «По представлению Данилевского, – говорит он, – во главе будущей европейской коалиции против России будет Франция, а единственными нашими союзниками будут пруссаки. Впоследствии, конечно, нам придётся поспорить и с Пруссией, так как это тоже Европа, но при решении восточного вопроса, при взятии Цареграда, пруссаки все-таки нам помогут против Франции. Таково предвидение Данилевского» (Русск. мысль, август, стр. 13,14).

Но в чём же тут несообразительность? Ведь это самое предвидение уже частью исполнилось; ведь после того, как писал Данилевский (в конце шестидесятых годов) пруссаки шли против Франции в 1870 году; ведь они были тогда с нами в дружбе, и мы, имея свободные руки, разорвали тогда Парижский трактат. Это был шаг на пути разрешения восточного вопроса, и Данилевский сам радостно его приветствовал⁹. А что пруссаки нам помогут при взятии Цареграда, этого Данилевский никогда не говорил; это ему приписал г. Соловьёв, вследствие некоторого избытка сообразительности. Напротив, Данилевский, утверждая, что в восточном вопросе интересы Пруссии и России «тождественны в ближайших фазисах его развития», прибавлял: «Так представляется дело на первых порах. Что будет дальше,

⁷ «Мнимая борьба с Западом». Русск. мысль, август, стр. 1-20.

⁸ См. *Сборник политических и экономических статей* Н.Я. Данилевского. СПб. 1890 г.

⁹ *Сборник*, стр. 2, 3.

другой вопрос. По достижении *первых успехов*, безобидных для обеих сторон, отношения могут и, вероятно, даже должны перемениться. (*Россия и Европа*, стр. 498).

Следовательно, относительно Пруссии всё исполнилось так точно, как говорил Данилевский. Что касается Франции, которая теперь так дружит с нами, и которая предполагается у Данилевского в числе врагов России (на чём и основана вся выходка г. Соловьёва), то ведь Франция дружит *теперь*, а не тогда, когда писалась «*Россия и Европа*». Французы ранее того времени уже дважды приходили в Россию, и легко было предполагать, что придут и в третий раз. Жестокое падение Франции, которого и сам Бисмарк не предвидел, которое превзошло все его ожидания, изменило положение дел.

Но главное не в этом. Что тут удивительного, что Данилевский, размышляя о благе людей, не предвидел того остервенения, с которым два культурнейшие народа бросились друг на друга, и той невероятной гнилости, которую обнаружила Франция, всегда пользовавшаяся нашими невольными симпатиями! Данилевский не думал, что европейское междоусобие разыграется так скоро и до таких размеров; он считал главным вопросом, имеющим мировую важность и далёкую будущность, великий Восточный вопрос и потому предполагал вообще, что, если образуется коалиция против России, то в коалицию войдёт и Франция. Однако же, он сказал это не без оговорок; в высшей степени важно его замечание, что, если это будет, то лишь потому, что «между Россиею и Франциею стоит целый ряд предрассудков, уже издавна мешающих им сблизиться» (стр. 493), и заставлявших до сих пор Францию враждовать с Россиею «вопреки всем расчётам политической мудрости, всем внушениям здравого политического расчёта» (495). Таким образом, уже тогда, до франко-прусской войны, он ясно видел, что дружба между Россиею и Франциею не только возможна, но что для этой дружбы есть прямые важные побуждения. Об этом забыл сказать г. Соловьёв, хотя это стоит на тех же страницах, которые он цитирует. Когда же произошёл разгром Франции, то Данилевский, взвешивая значение этого события для России, предсказал и нынешнее дружелюбие Франции. Он говорил: «Франция надолго должна сосредоточиться внутри самой себя, думать единственно об излечении нанесённых ей ран, о восстановлении своего утраченного могущества, о возвращении имеющих вероятно отойти к Германии областей своих, и для этого искать дружбы и помощи России. С ослаблением Франции рассеются, по крайней мере, на время, те предрассудки, которые, и с французской, и с нашей стороны, так долго препятствовали понимать тожество обоюдных интересов в большинстве случаев» (*Сборник*, стр. 29,30).

Эти слова были сказаны в самом конце 1870 года, и, как все мы знаем, они сбылись в точности.

Нужно читать самого Данилевского, чтобы видеть это бесподобное определение истинных интересов каждой страны, а также разъяснение тех предрассудков, которые так часто мешают понимать эти интересы. Нужно старательно вникать в эти превосходные рассуждения, потому что цель их – то правильное разграничение, то уравнивание этих интересов, при котором возможен прочный мир, спокойное сожительство. Данилевский отчётливо показывает, например, что решение Восточного вопроса в той форме, какая им предложена, не нарушает никаких важных интересов не только Франции, но и Англии – нашего главного противника в этом деле. Есть возможность всем ужиться безобидно, и это будет для всех самое выгодное¹⁰. Данилевский выставляет на вид ту силу вещей, против которой идти – не только несправедливо, но и очень опасно, так как эта сила может сломить всякие усилия; он настаивает на том, что борьба, им предвидимая, имеет главным источником не существенные интересы Европы, а лишь гордые её притязания, её непобедимые предубеждения против славянства и её слепое честолюбие и насильственность.

И вот, мы приходим к тому главному упреку, который г. Соловьёв решился выставить против книги Данилевского в последней статье. По-видимому, он только теперь, задумав писать статью для *«Русской мысли»*, вдруг открыл ужасающий порок в книге, о которой уже столько рассуждал. Повод к этому открытию подан всё мною же, имеющим несчастье, таким образом, навлекать на покойного друга поношение за поношением. «Г. Страхов требовал от меня, – пишет г. Соловьёв, – доказательств того, что начало народности безнравственно. Это была, конечно, лишь эристическая фигура, так как никто никогда не признавал безнравственным принцип народности. Но на *безнравственном свойстве* того национализма, который проповедуется в книге *«Россия и Европа»*, я должен настаивать самым решительным образом» (стр. 11).

И затем сыплются выражения всё крупнее и крупнее: будто бы Данилевский «отрицает всякое нравственное отношение к прочим народам и к целому человечеству» (12) и «учит, что по отношению к чужим народам всё позволено» (6), будто бы «проповедует вещи, прямо противные духу

¹⁰ Г. Соловьёв, между прочим, вступает за Греков, Венгров, Румын, Чехов, поляков, Хорватов; он голословно, по своему обычаю, утверждает, что Данилевский собирается «приносить живые и сознающие себя народности в жертву... интересам *какой-то фантастической (!) группы народов*» (стр. 14). Поверят этому разве те, кто не читал *«России и Европы»*; но кто читал, тот знает, что всё в этой книге направлено только к наилучшему соблюдению интересов каждой народности. В этом весь смысл книги.

кротости, справедливости и веротерпимости» (11), будто бы «предлагает способ действия, который в просторечии называется мошенничеством, а по книжному макиавелизмом» (12), будто бы у него повсюду высказывается «наивная безнравственность» (13), «варварский макиавелизм» (14), «проповедь насилия и обмана» (14).

Вот какой злодей Н.Я. Данилевский! Не удивительно ли, что этого так долго никто не замечал? Представляю себе восторг читателей *«Русской мысли»*! Но чем же это доказывается? Вообразите себе, что ровно ничем. Так уж это ведётся у г. Соловьёва. Он, кажется, думает, что его слова доказываются самими этими словами, их громким звуком. Он выступает с резким положением, а потом ровно ничем его не подкрепляет; он приводит и выдержки, даже длинные, но только оказывается, что в них вовсе нет того, что он хотел доказать.

Например, для подтверждения теперешних выходов он приводит замечательное место *«России и Европы»*, те слова, на которые любил ссылаться сам Н.Я. Данилевский, как на удачную форму своей мысли. Мы приведём их с наслаждением. Рассуждая о том, как следует нам смотреть на европейские дела, Данилевский советует постоянно иметь в виду «наши особенные русско-славянские цели» и продолжает:

«К безразличным в этом отношении лицам и событиям мы должны оставаться совершенно равнодушными, как будто бы они жили и происходили на луне; тем, которые могут приблизить нас к нашей цели, должны всемерно содействовать, и всемерно противиться тем, которые могут служить ей препятствием, не обращая при этом ни малейшего внимания на их безотносительное значение, на то, каковы будут их последствия для самой Европы, для человечества, для свободы, для цивилизации.

Без ненависти и без любви (ибо в этом чужом мире ничто не может и не должно возбуждать ни наших симпатий, ни наших антипатий)¹¹, равнодушные и к красному, и к белому, к демагогии и деспотизму, к легитимизму и к революции, к немцам, к французам, к англичанам, к итальянцам, к Наполеону, Бисмарку, Гладстону, Гарибальди, – мы должны быть верным другом и союзником тому, кто хочет и может содействовать нашей единой и неизменной цели. Если ценою нашего союза и дружбы мы делаем шаг вперёд к освобождению и объединению славянства, приближаемся к Цареграду не совершенно ли нам всё равно: купятся ли этой

¹¹ Курсив принадлежит г. Соловьёву и обозначает самые преступные слова; курсив прекращается, где преступность слабее, из чего и видно, в чём полагается эта преступность.

ценой Египет Францией или Англией, рейнская граница – французами или вогезская – немцами, Бельгия – Наполеоном, или Голландия Бисмарком?» (Россия и Европа, стр. 481).

Выписавши эти строки, г. Соловьёв не прибавляет от себя ни единого слова. Он только подчеркнул некоторые места, да выпустил из середины (конечно, *для ясности*) несколько строк, где говорится что-то такое о *святом и высоком деле*, и думает, что читатели сами увидят, какая тут ужасная безнравственность. Но что же такое ему представилось? Не попробуем ли отгадать, какие истинно нравственные начала желает нам проповедать г. Соловьёв? Н.Я. Данилевский излагает свою мысль точно, определённо; он поясняет её примерами, и ошибиться в ней невозможно. Он говорит, например, что нам должно быть всё равно, кому принадлежит Египет, Франции или Англии, и где будет проведена граница между Францией и Германиею. Что же? Этот совет – «варварский макиавелизм», «проповедь насилия и обмана»? И чему же учит в этом отношении чистая нравственность? За кого нам следует стоять? Г. Соловьёв, очевидно, подчеркнул только *общие* положения Данилевского и не видит, как они поясняются тут же стоящими частными примерами; ему показалось, что Данилевский проповедует вообще равнодушие к *человечеству, к свободе, к цивилизации*. Но ведь только для малых ребят не ясно, что Данилевский рассуждает о политических делах, а не о чувствах частного человека, что «быть равнодушным» тут значит – не посылать наших войск на смерть и не приносить в жертву благосостояния нашего государства, что всякое *внимание*, всякая «симпатия и антипатия» тут выражается не иначе, как кровью десятков и сотен тысяч людей и золотом, тяжело собираемым с целого государства. Общий смысл наставлений Данилевского – миролюбивый; он указывает, за что нам никогда не следует воевать.

Между политическими и частными делами разница великая, и её превосходно объяснил Н.Я. Данилевский (Россия и Европа, стр. 31, 32). Частный человек, исполняя долг человеколюбия или желая послужить свободе и цивилизации, может, вообще говоря, жертвовать при этом и своим достоянием, и своею жизнью. Другое дело, когда речь идёт о государстве, когда мы разбираем чувства и поведение людей, заправляющих политикою, решающих вопросы войны и мира. К таким людям и к общественному мнению, имеющему на них влияние, обращается Данилевский. Имеем ли мы право когда-нибудь жертвовать силами своего государства, подвергать его ущербам и опасности – по нашим соображениям о пользах свободы, цивилизации, человечества? Такого права никто и никогда не имеет, отвечает

Данилевский; да и все мы это хоть немножко знаем, а должны бы твёрдо знать. Объединяясь, сплачиваясь в государство, народ имеет целью лишь своё благо и сохранение; поэтому, когда мы употребляем эту крепкую силу его единения в ущерб его же благу, мы заставляем его совершать нечто противоестественное. Так делает врач, когда вместо лекарства даёт своему больному яд; так делает полицейский, когда, имея всюду доступ, сам крадёт и поджигает. Тут не простое, а двойное преступление. Пока крепка таинственная сила, связующая народ воедино, она есть здоровая, следовательно, благая сила, содержащая в себе самой свои высшие стремления. Народ принадлежит только самому себе, и можно только служить ему, но не посягать на него, как на орудие для придуманных нами целей. Данилевский хорошо понимал положение дела. Он перечисляет в своей книге множество исторических случаев, когда существенные интересы России приносились в жертву разным, будто бы высшим, соображениям. Дело это известное, и мысль о нём горька для всякого патриота, и мы несём на себе его последствия. И он слышал и такие голоса, которые провозглашали, что Россия есть вообще помеха для цивилизации и прогресса человечества, и что всего лучше было бы, если бы можно было совсем стереть великий русский народ с лица земли. Поэтому он и объясняет, что подобные мысли и поползновения не имеют никакого оправдания; он советует нам выкинуть их из головы, а напротив, твёрдо верить, «что цель наша (русско-славянское дело) свята и высока, что одно только ведущее к ней и лежит в наших обязанностях, что только служа ей, а не иначе как-нибудь, можем мы содействовать всему высокому, какое бы имя оно ни носило: человечества, свободы, цивилизации и т.д.» («Россия и Европа», стр. 481). Это те слова, которые г. Соловьёв выпустил из середины приведённой им выдержки.

Итак, где же «варварский макиавелизм»? Поистине удивительно то, что пишет г. Соловьёв. Он попробовал дальше ещё раз как-нибудь уличить Данилевского в коварстве, но промахнулся самым жалким образом. Данилевский объясняет, что Россия не имеет никакой обязанности и нужды заботиться о так называемом политическом равновесии европейских государств. Тут попалась строчка, в которой почуялось г. Соловьёву коварство, и он её подчеркнул; он выписывает так: «Равновесие политических сил Европы вредно и даже губительно для России, а нарушение его, *с чьей бы то ни было стороны*, выгодно и благотельно»¹² (стр. 13). Г. Соловьёв выводит отсюда, что, следовательно, по Данилевскому, «мы должны стараться о нарушении этого равновесия во вред Европе» (13). Да разве же это то? Слова

¹² Рос. и Евр., стр. 486.

«с чьей бы то ни было стороны» значат ведь: всё равно, нарушит ли равновесие Франция, или Германия и т.п. Данилевский доказывает только, что это нарушение *во всяком случае* даёт России выгодное положение, а вовсе и не думает о том, чтобы мы старались о таком нарушении.

Этого мало. Если бы его противник был способен что-нибудь ясно видеть, то он должен был бы неотразимо убедиться, что и во всей книге Данилевского, во всех его соображениях, никогда ни разу не встречается совета кому-нибудь вредить, кого-нибудь ненавидеть, изготовлять для кого-нибудь зло и гибель. В этом отношении Данилевский показал себя, можно сказать, истинно христианским писателем и не повинен ни в едином из злобных внушений. Он очень много и подробно доказывает, что *Европа нам враждебна*, но ему и в мысль не приходит сказать, что нужно ей в этом подражать, что и мы должны быть *враждебны Европе*. Все его советы в рассуждении Европы только отрицательные; он хочет только, чтобы мы не вмешивались в чужие дела, не гнались за дружбой и значением там, где нас не спрашивают, где нами только пользуются, но никогда не признают своими. Он хочет, чтобы мы бросили это унижительное тщеславие, прекратили всякую преступную трату народной крови и народного благосостояния на цели, которые мы сами навязываем народу¹³. Если же он говорит о борьбе с Европою, то не по вражде к ней и не ради каких-нибудь захватов, а потому, что необходимо исправить вопиющую историческую неправду, что честолюбие и насильственность Европы не только создали в прошлые века невыносимое положение для славян, но грозят и вперёд продолжать это дело и не отступать перед самыми справедливыми требованиями. Давно сложившийся и всё больше приходящий к сознанию славянский культурно-исторический тип упорно теснится Европою, которая со страхом и злобою отрицает его права на существование рядом с собою. Данилевский убеждает нас, чтобы мы распространяли свою любовь на весь этот тип, чтобы те обязанности патриотизма, которые мы исповедуем в отношении к России, мы признали за собою и в отношении к другим славянским народностям. Те русские люди, которые недавно умирали и лили свою кровь на полях Болгарии, вероятно в той или другой мере чувствовали, что они поступают согласно с таким заветом любви к славянству. И вот почему Данилевский вообще считает то, что он называет «русско-славянскими целями», делом *святым и высоким*. Это есть восстановление самых законных прав, осуществление самых законных желаний. Поэтому, предсказывая, что дело не

¹³ Кто не читал, пусть прочтёт статью «Горе победителям» (Сборник, стр. 139-219), писанную после Берлинского конгресса, — истинно гениальное разоблачение наших отношений к Европе, подсказанное глубокою любовью и глубоким оскорблением.

обойдётся без великой борьбы, без напряжённых усилий, как с нашей стороны, так и со стороны Европы, он говорит: «*Счастье и сила России в том и заключается*, что, сверх ненарушимо сохранившихся ещё цельности и живого единства её организма, само дело её таково, что оно может и непосредственно возбудить её до самоотвержения, если только будет доведено до её сознания всеми путями гласности, – тогда как её противники не могут выставить на своём знамени ничего, кроме пустых, бессодержательных слов: будто бы попираемого политического равновесия, якобы угрожаемой цивилизации, слов, которыми не расшевелить народного сердца, а разве только возбудить вопли уличных крикунов и ротозеев. С одной стороны борьба будет *за всё, что есть священного для человека*: за веру, за свободу угнетённых братьев, за своё историческое призвание, которое хотя логически не сознается массами, но лежит в нравственной основе всякого великого народа. С другой – за угнетение племён, в противность высказываемому самими же противниками принципу равноправности национальностей; за действительное турецкое варварство, как плотину против разлива какого-то мнимого московитского варварства; за фантастический польский народ, занимающий в европейских головах место действительного русского народа, угнетавшегося польским шляхетством; одним словом, за ложь, фальшь и напускное марево» (*Росс. и Евр.*, стр. 504, 505)¹⁴.

Вот каковы политические планы и советы Данилевского; он предлагает нам то, что считает «правым и святым делом», он весь горит пламенем чистого чувства, когда говорит о нём, и его книга есть лишь пространное доказательство справедливости и святости этого дела. После этого, что же мы должны сказать о выходках г. Соловьёва, который провозгласил, что Данилевский проповедует «насилие и обман»? Эти обвинения так ни с чем несообразны, что не знаешь, как их оценить, не скоро разберёшь, с какой стороны они всего хуже. Можно принять их за чёрную клевету, за злостную ложь; но в то же время, средства этой клеветы так странны и жалки, что в ней можно видеть и просто бессознательную путаницу. Как будто какой-то фанатизм застилает ему глаза, и он не видит даже того, что изложено точно, ясно и пространно; напротив, в самых простых словах ему мерещится что-то чудовищное. Если читатели не захотят этого допустить, если они будут думать, что такого жестокого извращения и в таком важном вопросе нельзя сделать иначе, как сознательно, ради умышленной клеветы, то я могу привести доказательство, что одной сознательности тут, однако же, нет. В одном месте

¹⁴ Г. Соловьёв, выхватывая слова из этого места, обвиняет Данилевского в том, что он отрицает Польский народ, считает его только фантазией.

этой самой статьи г. Соловьёв выписывает следующие слова Данилевского: «Мы полагаем, что в теперешнем положении дел (*«теперешний» тут значит: в конце шестидесятых годов, чего не указывает, а вернее, сам не соображает, г. Соловьёв*) Россия не может иметь другого союзника, как Пруссия, так же точно, как и Пруссия другого союзника, как Россия; и союз их может быть благословенным, потому что у обеих цель правая» (Росс, и Евр., стр. 498). Приведя эти слова, г. Соловьёв восклицает: «Вот неожиданное обращение к этическому принципу в политике, столь решительно отвергнутому!» (Стр. 14).

Неожиданное! Тут видно, что это его подлинно удивило. А нас, конечно, должно очень удивить его удивление. Подумайте, книга, на которую он трижды нападал, подступая к ней со всевозможных сторон, вся эта книга проникнута и переполнена этим «обращением к этическому принципу», – и он этого ни разу не заметил! Какова слепота! Но вот, затеявши выписать несколько строк из *«России и Европы»* для мнимого уличения Данилевского в несообразительности, он нечаянно наткнулся на слова о «благословенном союзе» и «правой цели»; нужно думать, что, уже написавши и слова на бумаге, он вдруг заметил, что ведь они содержат «обращение к этическому принципу», ссылку на Бога и справедливость, – и был совершенно поражён такою неожиданностью. Не правда ли, однако, что, если бы он действовал не только злоумышленно, но и сознательно, то он, наверное, ничего не сказал бы о своём изумлении и даже вычеркнул бы удивившие его слова? А может быть, он не догадался? Может быть, просто, что называется, зарапортовался? Бог его знает! Видно только, что он ни на минуту не задумался.

Этим мы и кончим наш разбор. Нет ни нужды, ни охоты разбирать множество других подобных выходов, да как-то нет охоты и подсмеяться над противником, до такой степени ослеплённым и шатким в ходе своих мыслей. Но нельзя не сердиться, видя, что он забывает уже всякую осторожность, всякое уважение к чувствам и мнениям других людей, и вот уже столько времени громко и настойчиво приписывает иным из них глупость за глупостью и подлость за подлостью. Тут не одна слепота, тут есть какое-то потемнение нравственного чувства, на которое нельзя смотреть равнодушно.

Что сказать вообще об этом споре? В нём отзывается всё та же наша главная болезнь, неверие в Россию, ослепление западными идеалами, то, что мы называли *оторванностью от почвы*. Умы наших образованных людей, вследствие этой болезни, теряют чувство окружающей их действительности, а вместе и всякую устойчивость; они реют и кувыркаются в безвоздушных пространствах, создают себе «крылатые теории», и понятно, отчего им так

несносна книга Н.Я. Данилевского, дышащая трезвым и ясным наблюдением и глубокою, кровною любовью не к мечтательной, а к исторической России. Но легко видеть, что всегдашняя неисцелимая шаткость этих умов сквозит у них всюду и обличает их внутреннюю пустоту.

Не будем, однако, унывать. Состояние нашей образованности печальное, но эти заносные и прививные боязни, даст Бог, пройдут без вреда для могучего здоровья России. Даже в настоящую минуту, как бы нас ни огорчали разные «наши язвы», положение России представляет и такие черты, в которых мы имеем право видеть для неё предвестие наилучшего, истинно желанного величия. Россия принесла Европе мир, она теперь сдерживает жестокие распри европейцев и обузда их просто тем, что замкнулась в себе, объявила себя свободною, не имеющею нужды дружить больше с одною стороною, чем с другою (что совершенно согласно с заветом Данилевского). Борьба ненасытных честолюбий поневоле должна была затихнуть. И есть другая черта в нашей современной истории, в сущности даже более важная. От нашей литературы, от некоторых вершин её, и именно от тех, от которых наши домашние европейцы всего меньше ждали добра, пронеслось по миру какое-то веяние, послышался призыв высоких нравственных начал, и сердца многих людей старой цивилизации забились давно забытыми чувствами, и они с отрадой и удивлением обратили свои глаза на Россию.

Дай Бог, чтобы это так и продолжалось. Пусть стократно возрастет могущество России; тогда она водворит спокойствие на Западе и благоустройство на Востоке. Пусть чистые нравственные начала, составляющие самую душу нашего народа, проникнут, наконец, в наше сознание и найдут себе полное и ясное для всего мира выражение и воплощение; тогда новая лучшая жизнь может проснуться в старых народах и сбудется предсказание Хомякова о *могучем и светлом источнике*, сокрытом в груди России:

Смотрите, как широко воды
Зелёным долом разлились,
Как к берегу чуждые народы
С *духовной жаждой* собрались!

27-го сент. 1890.

Впервые опубликовано: Новое время. 1890. № 5231. 5242.